

Принцип свободы договора vs принцип защиты интересов третьих лиц

Постановление ФАС СКО от 18.07.2012 по делу № А53-9522/2011

Суд округа поддержал вывод о ничтожности договоров поручительства и залога недвижимости, так как они являлись экономически невыгодными для должника: целесообразность и разумные причины для их заключения отсутствовали.

Решением суда первой инстанции, вступившим в законную силу, ЗАО «Елkinsкое» (далее — общество, должник) признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден В.В. Гончаров.

В рамках дела о банкротстве должника С.Ю. Турченко (далее — кредитор) обратился в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности. В обоснование своих требований он сослался на договоры поручительства и уступки прав требований.

Конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров поручительства и залога недвижимости.

Заявления кредитора и конкурсного управляющего объединены в одно производство.

Суд первой инстанции признал недействительными договоры поручительства и залога недвижимости, в удовлетворении заявления кредитора отказал.

Арбитражный апелляционный суд, перейдя к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции, привлек к участию в деле в качестве надлежащих ответчиков банк и заемщика — ООО «Авзон-минерал».

Постановлением апелляционного суда определение суда первой инстанции отменено, признаны недействительными договоры поручительства и залога недвижимости; в удовлетворении требований кредитора о включении в реестр задолженности отказано. Решение мотивировано тем, что спорные сделки являются ничтожными в силу ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ. Единственной целью, которую при заключении договоров преследовал кредитор, являлось

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ОКРУГ интересное дело

включение его требования в реестр, что позволило бы получать денежные средства из конкурсной массы и оказывать существенное влияние на решения, принимаемые собранием кредиторов должника, и, соответственно, на ход дела о его несостоятельности (банкротстве).

В кассационной жалобе банк просил отменить апелляционное постановление.

Окружной суд оставил кассационную жалобу без удовлетворения ввиду следующего.

Банк и заемщик заключили кредитный договор. В этот же день банк, заемщик и должник (поручитель) заключили договор поручительства, по условиям которого последний обязался отвечать перед банком солидарно с заемщиком за исполнение последним обязательств по кредитному договору.

Банк (залогодержатель), должник (залогодатель) и заемщик заключили договор залога имущества, согласно которому залогодатель в счет обеспечения исполнения заемщиком обязательств по кредитному договору предоставил в залог недвижимое имущество, в том числе земельные участки, магазины, склады, зернохранилища, автогаражи и другое имущество, принадлежащее залогодателю на праве собственности.

В соответствии с договором уступки прав (требований) банк (кредитор) уступил С.Ю. Турченко (новый кредитор) права требования к ООО «Авзон-минерал» по кредитному договору, а также права, обеспечивающие исполнение обязательства должника перед кредитором по кредитному договору.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом) как ликвидируемого должника. Решением общества признано банкротом, в его отношении введено конкурсное производство по упрощенной процедуре ликвидируемого должника, конкурсным управляющим утвержден В.В. Гончаров.

С.Ю. Турченко обратился в суд с заявлением о включении его требования в реестр требований кредиторов должника. В свою очередь, конкурсный управляющий предъявил требование о признании указанных сделок недействительными как противоречащих п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также по основаниям ст. 10 и 168 ГК.

В соответствии со ст. 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ дела о банкротстве рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным Кодексом, с особенностями, установленными федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности.

Установление требований кредиторов осуществляется арбитражным судом в зависимости от процедуры банкротства, введенной в отношении должника в порядке, определенном ст. 71 и 100 Закона о банкротстве.

В силу ст. 168 ГК сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспариваема, или не предусматривает иных последствий нарушения. На основании п. 1 ст. 10 ГК не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

В п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“» разъяснено следующее. Исходя из недопустимости злоупотребления гражданскими правами (п. 1 ст. 10 ГК) и необходимости защиты при банкротстве прав и законных интересов кредиторов по требованию арбитражного управляющего или кредитора может быть признана недействительной совершенная до или после возбуждения дела о банкротстве сделка должника, направленная на нарушение прав и законных интересов кредиторов, в частности, направленная на уменьшение конкурсной массы сделки по отчуждению по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам.

Оценив представленные в дело доказательства, апелляционный суд отказал С.Ю. Турченко в удовлетворении заявленных требований. При этом суд согласился с выводом суда первой инстанции, указав на ничтожность договоров поручительства и залога недвижимости. Суд установил, что на момент заключения спорных договоров общество находилось в тяжелом финансовом положении, не осуществляло хозяйственную деятельность за исключением сдачи имущества в аренду, имело незначительные запасы сырья и материалов, кредиторскую задолженность, непокрытый убыток. Размер принятых должником по договору поручительства и залого недвижимости обязательств по состоянию на дату их заключения составлял 151 200 тыс. руб. Эти обязательства в 44 раза превышали стоимость активов должника, которые по состоянию на 30 апреля 2009 г. составляли всего лишь 3438 тыс. руб. при условии, что 690 тыс. руб. — дебиторская задолженность. Вместе с тем в условиях тяжелого финансово-экономического положения, когда была приостановлена производственная деятельность предприятия, общество заключило с банком договор поручительства и договор залога имущества, согласно которым должник, не являясь получателем денежных (кредитных) средств, принял на себя обязательство отвечать своим имуществом (объектами, призванными непосредственно участвовать в производственной деятельности) по долгам третьего лица — ООО «Авзон-минерал» — по кредитному договору. Доказательств того, что при заключении спорных договоров общество получило либо было намерено получить от ООО «Авзон-минерал» какое-либо встречное предоставление (имущественную либо иную выгоду) от заключения спорных сделок, в материалы дела не представлено. Более того, апелляционный суд указал, что банк и С.Ю. Турченко не представили доказательств обращения с требованиями об уплате кредита, процентов к действующему предприятию — ООО «Авзон-минерал», фактически получившему кредитные средства.

При таких обстоятельствах апелляционный суд пришел к правомерному выводу о том, что спорные сделки являлись экономически невыгодными для должника.

ка, целесообразность и разумные причины для их заключения отсутствовали. Общество злоупотребило своим правом на свободу заключения договора, которое выразилось в недобросовестном поведении должника, направленном на возложение необоснованного бремени ответственности на предприятие по обязательствам третьего лица (ООО «Авзон-минерал»), т.е. увеличение кредиторской задолженности должника в нарушение как его собственных прав, так и законных интересов его добросовестных кредиторов. Апелляционный суд отметил, что на дату заключения спорных договоров банк знал и имел реальную возможность и обязанность узнать о тяжелом финансовом положении общества и злоупотреблении должником своим правом. Банк, являясь профессиональным участником хозяйственного оборота, проводил комплексную оценку потенциального кредитного риска, был знаком с бухгалтерскими документами должника за соответствующие отчетные периоды и владел полной информацией о финансовых показателях хозяйственной деятельности должника.

При рассмотрении спора апелляционный суд учел судебную практику по аналогичным делам (Постановления ВАС РФ от 30.11.2010 № 10254/10, от 15.02.2011 № 13603/10).

Недействительная сделка не влечет юридических последствий за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения (п. 1 ст. 167 ГК). Поскольку договоры поручительства и залога недвижимости являются недействительными (ничтожными) сделками, основанные на них требования (с учетом договора уступки прав) удовлетворению не подлежат.

**Руднев
Антон
Павлович,**

адвокат, юрист
Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский,
Афанасьев и партнеры»

КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТОВ

Современная судебная практика активно использует ст. 10 ГК в качестве средства борьбы с операциями, которые внешне выглядят вполне законно, но на самом деле преследуют недобросовестные цели. Запрет злоупотребления правом особенно актуален в контексте оспаривания сделок, совершаемых должником в предбанкротном состоянии и направленных на установление преимуществ для требований отдельных кредиторов.

В рамках настоящего дела судами трех инстанций была рассмотрена одна из таких ситуаций. Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию общества и признали договоры поручительства и залога, заключенные обществом незадолго до банкротства, ничтожными (ст. 10 и 168 ГК).

Особенно интересен вывод ФАС Северо-Кавказского округа о том, что общество злоупотребило своим правом на свободу заключения договора, поскольку совершило экономически невыгодные для себя сделки, что с учетом его финансового положения было явно нецелесообразным и неразумным.

Если по делам, не связанным с банкротством, суды чаще констатируют, что то или иное условие договора с учетом принципа свободы договора не может свидетельствовать о злоупотреблении правом, то в делах о несостоятельности ситуация меняется кардинально. Как только затрагивается вопрос о том, какие последствия сделка имеет для кредиторов несостоятельного должника, принцип свободы договора безусловно проигрывает принципу защиты интересов третьих лиц. Это также влияет и на распределение бремени доказывания: при наличии определенных оснований (безвозмездный характер сделки и др.) именно то лицо, от которого требуется добросовестность, должно доказать, что оно действовало без намерения причинить вред интересам кредиторов.

Подобный подход довольно характерен для практики (см., в частности, постановления ФАС Поволжского округа от 01.03.2012 по делу № А12-2801/2011, ФАС Уральского округа от 21.08.2012 по делу № А71-14153/2010).

Необходимо иметь в виду, что основания недействительности сделок, предусмотренные п. 2 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности» и ст. 10 и 168 ГК, применяются независимо друг от друга. Согласно п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» в первом случае сделка является оспоримой, а во втором — ничтожной. При одновременном наличии обоих оснований суд вправе сделать выбор в пользу ничтожности как более «квалифицированного» состава.

Также следует обратить внимание на то, что ФАС СКО признал злоупотреблением правом действия всех участников спора, включая цессионария, который приобрел права требования только с тем, чтобы оказывать влияние на процедуру банкротства.

В рассматриваемом нами деле обеспечительным должником выступает третье лицо. Но если спроецировать выводы суда на ситуацию, где сам должник является залогодателем, то под угрозу недействительности могло бы попасть и основное требование. Такая ситуация вполне реальна, а потому имеет смысл задаться вопросом, может ли цессионарий потребовать возмещения убытков от cedenta в связи с недействительностью уступленного требования, даже несмотря на то, что основная цель приобретения была недобросовестной. Полагаем, что препятствий к взысканию убытков в данном случае быть не должно. Применение ст. 10 ГК возможно, если признать, что, приобретая право, цессионарий рассчитывал на его недействительность, которая и позволит ему взыскать с cedenta убытки. С учетом презумпции добросовестности участников гражданского оборота такой вывод вряд ли вероятен.